

честно и славно и многи пришьельца утеши и множество людей собра. Сами прихожаху к нему в Суждальскую землю от славныя реки Днепра и от всех стран Руския земли: галичане волюньстий, кияне, черниговцы, переяславцы и славнии куряне, торопчане, меняне, мещижане (читай: вщижане), смольняне, полочане, муромцы, рязанцы; и вси подражаху храбрости его и обещавахуся ему живот свой полагати за избаву христианскую; и тако множахуся и всяким богатством исполняхуся; и бысть необычной скорби радость велия христианом и благодарствоваху бога, преспеваяуще во благочестии».³⁴ Этот текст указывает на широкую деятельность Ярослава и на сильное заселение Суздальской земли, в которую стремятся угрожаемые венграми и Литвой жители западных областей, даже из Галиции, Волини, Украины, из Минской, Смоленской и Полоцкой областей. Суздальская земля, хотя и разорена татарским нашествием, становится для них прибежищем под защитой великого князя Ярослава.

Четыре года Ярослав распоряжался сравнительно спокойно в разоренной Русской земле. Наконец в 1242 г. ему пришлось поехать в Орду к Батю. Тот принял его с уважением и признал «главой всех князей российских», по словам Абульгази. По летописи, Батый почтил его великой честью и сказал ему: «Ярославе! буди ты старей всем князем в русском языке». То старейшинство, которым Ярослав уже фактически пользовался, теперь было признано за ним высшей властью во всех пределах Русской земли, «в русском языке», т. е. в русском народе. Ясно, что это понятие не было создано татарами, а было подсказано им самим великим князем.³⁵ Ярослав вернулся на Русь с великой честью и управлял ею спокойно. В 1245 г. его наместник Дмитро Ейкович сидел в Киеве; по догадке М. С. Грушевского, это был тот же тысяцкий Дмитро, славный защитник Киева в 1240 г.³⁶

В 1245 г. Ярославу пришлось поехать к великому хану в Каракорум. Там его видел Плано Карпини: «Vidimus in curia imperatoris nobilem virum Jeroslaum, magnum ducem Russiae». Титул «великого князя России» был признан за ним при ханском дворе и понятен был всякому иностранцу, привыкшему рассматривать всю Русскую землю как единое целое. На возвратном пути из Монголии Ярослав разболелся «и преставился нужною смертью» 30 сентября 1246 г. Плано Карпини утверждает, что он был отравлен женою хана, а летопись намекает, что он был отравлен по навету Федора Яруновича; вероятно, это был сын его старого врага Яруна, боярина Мстислава Удалого. Тело Ярослава было привезено во Владимир, и он местно чтился там как святой, но канонизован не был.³⁷

Таков этот князь широких политических замыслов, сидевший и в Южном и в Северном Переяславле, чуть не севший в Галиче; ему подчинялись и Новгород, и Псков, и Смоленск, он сидел на великокняжеском золотом столе и в Киеве и во Владимире. С детских лет он воевал с половцами, затем с болгарами и мордвой, храбро отражал набеги литвы,

³⁴ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1. СПб., 1908, стр. 253.

³⁵ А. Е. Пресняков сказал: «Столь необычное выражение Лаврентьевской летописи как бы передает по-своему татарскую фразеологию» (А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства, стр. 53, прим. 4); однако мы не видим ничего необычного в понятии старейшинства.

³⁶ Ипатьевская летопись, под 1250 (!) г.: ПСРЛ, т. II. СПб., 1843. М. С. Грушевский. История Киевской земли, стр. 427.

³⁷ Карамзин правильно отметил, что Ярослав III, этот «возобновитель разрушенного великого княжения», снискал даже почтение татарских ханов, «но не заслужил ревностной похвалы наших летописцев, ибо не раздавал имения церквам и монахам, отличаясь, может быть, верою просвещенною, а не суесвятством» (История государства Российского, т. IV, стр. 29).